

У КЛАССНОЙ ДОСКИ

Про учительницу Ксению Андреевну Карташову говорили, что у нее руки поют. Движения у нее были мягкие, неторопливые, округлые, и, когда она объясняла урок в классе, ребята следили за каждым мановением руки учительницы, и рука пела, рука объясняла все, что оставалось непонятным в словах. Ксении Андреевне не приходилось повышать голос на учеников, ей не надо было прикрикивать. Зашумят в классе, она подымет свою легкую руку, поведет ею — и весь класс словно прислушивается, сразу становится тихо.

— Ух, она у нас и строгая же! — хвастались ребята. — Сразу все замечает...

Тридцать два года учительствовала в селе Ксения Андреевна. Сельские милиционеры отдавали ей честь на улице и, козыряя, говорили:

— Ксения Андреевна, ну как мой Ванька у вас по науке двигает? Вы его там покрепче.

— Ничего, ничего, двигается понемножку, — отвечала учительница, — хороший мальчуган. Ленился вот только иногда. Ну, это и с отцом бывало. Верно ведь?

Милиционер смущенно оправлял пояс: когда-то он сам сидел за партой и отвечал у доски Ксении Андреевне и тоже слышал про себя, что малый он неплохой, да только ленился иногда... И председатель колхоза был когда-то учеником Ксении Андреевны, и директор машинно-тракторной станции учился у нее. Много людей прошло за тридцать два года через класс Ксении Андреевны. Строгим, но справедливым человеком прослыла она.

Волосы у Ксении Андреевны давно побелели, но глаза не выцвели и были такие же синие и ясные, как в молодости. И всякий, кто встречал этот ровный и светлый взгляд, невольно веселел и начинал думать, что, честное слово, не такой уж он плохой человек и на свете жить безусловно стоит. Вот какие глаза были у Ксении Андреевны!

И походка у нее была тоже легкая и певучая. Девочки из старших классов старались перенять ее. Никто никогда не видел, чтобы учительница заторопилась, поспешила. А в то же время всякая работа быстро спорилась и тоже словно пела в ее умелых руках. Когда писала она на классной доске условия задачи или примеры из грамматики, мел не стучал, не скрипел, не крошился, и ребятам казалось, что из мелка, как из тюбика, легко и вкусно выдавливается белая струйка, выписывая на черной гладкой доске буквы и цифры. «Не спеши! Не скачи, подумай сперва как следует!» — мягко говорила Ксения Андреевна, когда ученик начинал плутать в задаче или в предложении и, усердно надписывая и стирая написанное тряпкой, плавал в облачках мелового дыма.

Не заспешила Ксения Андреевна и в этот раз. Как только послышалась трескотня моторов, учительница строго оглядела небо и привычным голосом сказала ребятам, чтобы все шли к траншее, вырытой в школьном дворе. Школа стояла немножко в стороне от села, на пригорке. Окна классов выходили к обрыву над рекой. Ксения Андреевна жила при школе. Занятий не было. Фронт проходил совсем недалеко от села. Где-то рядом громыхали бои. Части Красной армии отошли за реку и укрепились там. А колхозники собрали партизанский отряд и ушли в ближний лес за селом. Школьники носили им туда еду, рассказывали, где и когда были замечены немцы. Костя Рожков — лучший пловец школы — не раз доставлял на тот берег красноармейцам донесения от командира лесных партизан. Шура Капустина однажды сама перевязала раны двум пострадавшим в бою партизанам — этому искусству научила ее Ксения Андреевна. Даже Сеня Пичугин, известный тихоня, высмотрел как-то за селом немецкий патруль и, разведав, куда он идет, успел предупредить отряд.

Под вечер ребята собирались у школы и обо всем рассказывали учительнице. Так было и в этот раз, когда совсем близко заурчали моторы. Фашистские самолеты не раз уже налетали на село, бросали бомбы, рыскали над лесом в поисках партизан. Косте Рожкову однажды пришлось даже целый час лежать в болоте, спрятав голову под широкие листья кувшинок. А совсем рядом, подсеченный пулеметными очередями самолета, валился в воду камыш... И ребята уже привыкли к налетам.

Но теперь они ошиблись. Урчали не самолеты. Ребята еще не успели спрятаться в щель, как на школьный двор, перепрыгнув через невысокий палисад, забежали три запыленных немца. Автомобильные очки со створчатыми стеклами блестели на их шлемах. Это были разведчики-мотоциклисты. Они оставили свои машины в кустах. С трех разных сторон, но все разом они бросились к школьникам и нацелили на них свои автоматы.

— Стой! — закричал худой длиннорукий немец с короткими рыжими усиками, должно быть начальник. — Пионирен? — спросил он.

Ребята молчали, невольно отодвигаясь от дула пистолета, который немец по очереди совал им в лицо.

Но жесткие, холодные стволы двух других автоматов больно нажимали сзади в спины и шеи школьников.

— Шнеллер, шнеллер, бистро! — закричал фашист.

Ксения Андреевна шагнула вперед прямо на немца и прикрыла собой ребят.

— Что вы хотите? — спросила учительница и строго посмотрела в глаза немцу. Ее синий и спокойный взгляд смутил невольно отступившего фашиста.

— Кто такое ви? Отвечать сию минуту... Я кой-чем говорить по-русски.

— Я понимаю и по-немецки, — тихо отвечала учительница, — но говорить мне с вами не о чем. Это мои ученики, я учительница местной школы. Вы можете опустить ваш пистолет. Что вам угодно? Зачем вы пугаете детей?

— Не учить меня! — зашипел разведчик.

Двое других немцев тревожно оглядывались по сторонам. Один из них сказал что-то начальнику. Тот забеспокоился, посмотрел в сторону села и стал толкать дулом пистолета учительницу и ребят по направлению к школе.

— Ну, ну, поторапливайся, — приговаривал он, — мы спешим... — Он пригрозил пистолетом. — Два маленьких вопроса — и все будет в порядке.

Ребят вместе с Ксенией Андреевной втолкнули в класс. Один из фашистов остался сторожить на школьном крыльце. Другой немец и начальник загнали ребят за парты.

— Сейчас я вам буду давать небольшой экзамен, — сказал начальник. — Сидеть на место!

Но ребята стояли, сгрудившись в проходе, и смотрели, бледные, на учительницу.

— Садитесь, ребята, — своим негромким и обычным голосом сказала Ксения Андреевна, как будто начинался очередной урок.

Ребята осторожно расселись. Они сидели молча, не спуская глаз с учительницы. Они сели, по привычке, на свои места, как сидели обычно в классе: Сеня Пичугин и Шура Капустина впереди, а Костя Рожков сзади всех, на последней парте. И, очутившись на своих знакомых местах, ребята понемножку успокоились.

За окнами класса, на стеклах которых были наклеены защитные полосы, спокойно голубело небо, на подоконнике в банках и ящиках стояли цветы, выращенные ребятами. На стеклянном шкафу, как всегда, парил ястреб, набитый опилками. И стену класса украшали аккуратно наклеенные гербарии. Старший немец задел плечом один из наклеенных листов, и на пол посыпались с легким хрустом засушенные ромашки, хрупкие стебельки и веточки.

Это больно резануло ребят по сердцу. Все было дико, все казалось противным привычно установившемуся в этих стенах порядку. И таким дорогим показался ребятам знакомый класс, парты, на крышках которых засохшие чернильные подтеки отливали, как крыло жука-бронзовика.

А когда один из фашистов подошел к столу, за которым обычно сидела Ксения Андреевна, и пнул его ногой, ребята почувствовали себя глубоко оскорбленными.

Начальник потребовал, чтобы ему дали стул. Никто из ребят не пошевелился.

— Ну! — прикрикнул фашист.

— Здесь слушаются только меня, — сказала Ксения Андреевна. — Пичугин, принеси, пожалуйста, стул из коридора.

Тихонький Сеня Пичугин неслышно соскользнул с парты и пошел за стулом. Он долго не возвращался.

— Пичугин, поскорее! — позвала Сеню учительница.

Тот явился через минуту, волоча тяжелый стул с сиденьем, обитым черной клеенкой. Не дожидаясь, пока он подойдет поближе, немец вырвал у него стул, поставил перед собой и сел. Шура Капустина подняла руку:

— Ксения Андреевна... можно выйти из класса?

— Сиди, Капустина, сиди. — И, понимаясье взглянув на девочку, Ксения Андреевна еле слышно добавила: — Там же все равно часовой.

— Теперь каждый меня будет слушать! — сказал начальник.

И, коверкая слова, фашист стал говорить ребятам о том, что в лесу скрываются красные партизаны, и он это прекрасно знает, и ребята тоже это прекрасно знают. Немецкие разведчики не раз видели, как школьники бегали туда-сюда в лес. И теперь ребята должны сказать начальнику, где спрятались партизаны. Если ребята скажут, где сейчас партизаны, — натурально, все будет хорошо. Если ребята не скажут, — натурально, все будет очень плохо.

— Теперь я буду слушать каждый! — закончил свою речь немец.

Тут ребята поняли, чего от них хотят. Они сидели не шелохнувшись, только переглядываясь успели и снова застыли на своих партах.

По лицу Шуры Капустиной медленно ползла слеза. Костя Рожков сидел, наклонившись вперед, положив крепкие локти на откинутую крышку парты. Короткие пальцы его рук были

сплетены. Костя слегка покачивался, уставившись в парту. Со стороны казалось, что он пытается расцепить руки, а какая-то сила мешает ему сделать это.

Ребята сидели молча.

Начальник подозвал своего помощника и взял у него карту.

— Прикажите им, — сказал он по-немецки Ксении Андреевне, — чтобы они показали мне на карте или на плане это место. Ну, живо! Только смотрите у меня... — Он заговорил опять по-русски: — Я вам предупреждаю, что я понятен русскому языку и что вы будете сказать детей...

Он подошел к доске, взял мелок и быстро набросал план местности — реку, село, школу, лес... Чтобы было понятней, он даже трубу нарисовал на школьной крыше и нацарапал завитушки дыма.

— Может быть, вы все-таки подумаете и сами скажете мне все, что надо? — тихо спросил начальник по-немецки у учительницы, вплотную подойдя к ней. — Дети не поймут, говорите по-немецки.

— Я уже сказала вам, что никогда не была там и не знаю, где это.

Фашист, схватив своими длинными руками Ксению Андреевну за плечи, грубо потряс ее:

— Смотри, я буду пока очень добрый, но дальше...

Ксения Андреевна высвободилась, сделала шаг вперед, подошла к партам, оперлась обеими руками на переднюю и сказала:

— Ребята! Этот человек хочет, чтобы мы сказали ему, где находятся наши партизаны. Я не знаю, где они находятся. Я там никогда не была. И вы тоже не знаете. Правда?

— Не знаем, не знаем!... — зашумели ребята. — Кто их знает, где они! Ушли в лес — и все.

— Вы совсем скверные учащиеся, — попробовал пошутить немец, — не может отвечать на такой простой вопрос. Ай, ай...

Он с деланной веселостью оглядел класс, но не встретил ни одной улыбки. Ребята сидели строгие и настороженные. Тихо было в классе, только угрюмо сопел на первой парте Сеня Пичугин.

Немец подошел к нему:

— Ну, ты, как звать?.. Ты тоже не знаешь?

— Не знаю, — тихо ответил Сеня.

— А это что такое, знаешь? — И немец ткнул дулом пистолета в опущенный подбородок Сени.

— Это знаю, — сказал Сеня. — Пистолет-автомат системы «вальтер»...

— А ты знаешь, сколько он может убивать таких скверных учащихся?

— Не знаю. Сами считайте... — буркнул Сеня.

— Кто такое! — закричал немец. — Ты сказал: сами считать! Очень прекрасно! Я буду сам считать до трех. И если никто мне не сказать, что я просил, я буду стрелять сперва вашу упрямую учительницу. А потом — всякий, кто не скажет. Я начинал считать! Раз!...

Он схватил Ксению Андреевну за руку и рванул ее к стене класса. Ни звука не произнесла Ксения Андреевна, но ребятам показалось, что ее мягкие певучие руки сами застонали. И класс загудел. Другой фашист тотчас направил на ребят свой пистолет.

— Дети, не надо, — тихо произнесла Ксения Андреевна и хотела по привычке поднять руку, но фашист ударил стволом пистолета по ее кисти, и рука бессильно упала.

— Алзо, итак, никто не знай из вас, где партизаны, — сказал немец. — Прекрасно, будем считать. «Раз» я уже говорил, теперь будет «два».

Фашист стал подымать пистолет, целя в голову учительнице. На передней парте забилась в рыданиях Шура Капустина.

— Молчи, Шура, молчи, — прошептала Ксения Андреевна, и губы ее почти не двигались. — Пусть все молчат, — медленно проговорила она, оглядывая класс, — кому страшно, пусть отвернется. Не надо смотреть, ребята. Прощайте! Учитесь хорошенько. И этот наш урок запомните...

— Я сейчас буду говорить «три»! — перебил ее фашист.

И вдруг на задней парте поднялся Костя Рожков и поднял руку:

— Она правда не знает!

— А кто знает?

— Я знаю... — громко и отчетливо сказал Костя. — Я сам туда ходил и знаю. А она не была и не знает.

— Ну, показывай, — сказал начальник.

— Рожков, зачем ты говоришь неправду? — проговорила Ксения Андреевна.

— Я правду говорю, — упрямо и жестко сказал Костя и посмотрел в глаза учительнице.

— Костя... — начала Ксения Андреевна.

Но Рожков перебил ее:

— Ксения Андреевна, я сам знаю...

Учительница стояла, отвернувшись от него, уронив свою белую голову на грудь. Костя вышел к доске, у которой он столько раз отвечал урок. Он взял мел. В нерешительности стоял он, перебирая пальцами белые крошащиеся кусочки. Фашист приблизился к доске и ждал. Костя поднял руку с мелком.

— Вот, глядите сюда, — зашептал он, — я покажу.

Немец подошел к нему и наклонился, чтобы лучше рассмотреть, что показывает мальчик. И вдруг Костя обеими руками изо всех сил ударил черную гладь доски. Так делают, когда, исписав одну сторону, доску собираются перевернуть на другую. Доска резко повернулась в своей раме, взвизгнула и с размаху ударила фашиста по лицу. Он отлетел в сторону, а Костя, прыгнув через раму, мигом скрылся за доской, как за щитом. Фашист, схватившись за разбитое в кровь лицо, без толку палил в доску, всаживая в нее пулю за пулей.

Напрасно... За классной доской было окно, выходившее к обрыву над рекой. Костя, не задумываясь, прыгнул в открытое окно, бросился с обрыва в реку и поплыл к другому берегу.

Второй фашист, оттолкнув Ксению Андреевну, подбежал к окну и стал стрелять по мальчику из пистолета. Начальник отпихнул его в сторону, вырвал у него пистолет и сам прицелился через окно. Ребята вскочили на парты. Они уже не думали про опасность, которая им самим угрожала. Их тревожил теперь только Костя. Им хотелось сейчас лишь одного — чтобы Костя добрался до того берега, чтобы немцы промахнулись.

В это время, заслышав пальбу на селе, из леса выскочили выслеживавшие мотоциклистов партизаны. Увидев их, немец, стороживший на крыльце, выпалил в воздух, прокричал что-то своим товарищам и кинулся в кусты, где были спрятаны мотоциклы. Но по кустам, прошивая листья, срезая ветви, хлестнула пулеметная очередь красноармейского дозора, что был на другом берегу...

Прошло не более пятнадцати минут, и в класс, куда снова ввалились взволнованные ребята, партизаны привели троих обезоруженных немцев. Командир партизанского отряда взял тяжелый стул, придвинул его к столу и хотел сесть, но Сеня Пичугин вдруг кинулся вперед и выхватил у него стул.

— Не надо, не надо! Я вам сейчас другой принесу.

И мигом притащил из коридора другой стул, а этот задвинул за доску. Командир партизанского отряда сел и вызвал к столу для допроса начальника фашистов. А двое других, помятые и притихшие, сели рядышком на парте Сени Пичугина и Шуры Капустиной, старательно и робко размещая там свои ноги.

— Он чуть Ксению Андреевну не убил, — зашептала Шура Капустина командиру, показывая на фашистского разведчика.

— Не совсем точно так, — забормотал немец, — это правильно совсем не я...

— Он, он! — закричал тихонький Сеня Пичугин. — У него метка осталась... я... когда стул тащил, на клеенку чернила опрокинул нечаянно.

Командир перегнулся через стол, взглянул и усмехнулся: на серых штанах фашиста сзади темнело чернильное пятно...

В класс вошла Ксения Андреевна. Она ходила на берег узнать, благополучно ли доплыл Костя Рожков. Немцы, сидевшие за передней партой, с удивлением посмотрели на вскочившего командира.

— Встать! — закричал на них командир. — У нас в классе полагается вставать, когда учительница входит. Не тому вас, видно, учили!

И два фашиста послушно поднялись.

— Разрешите продолжать наше занятие, Ксения Андреевна? — спросил командир.

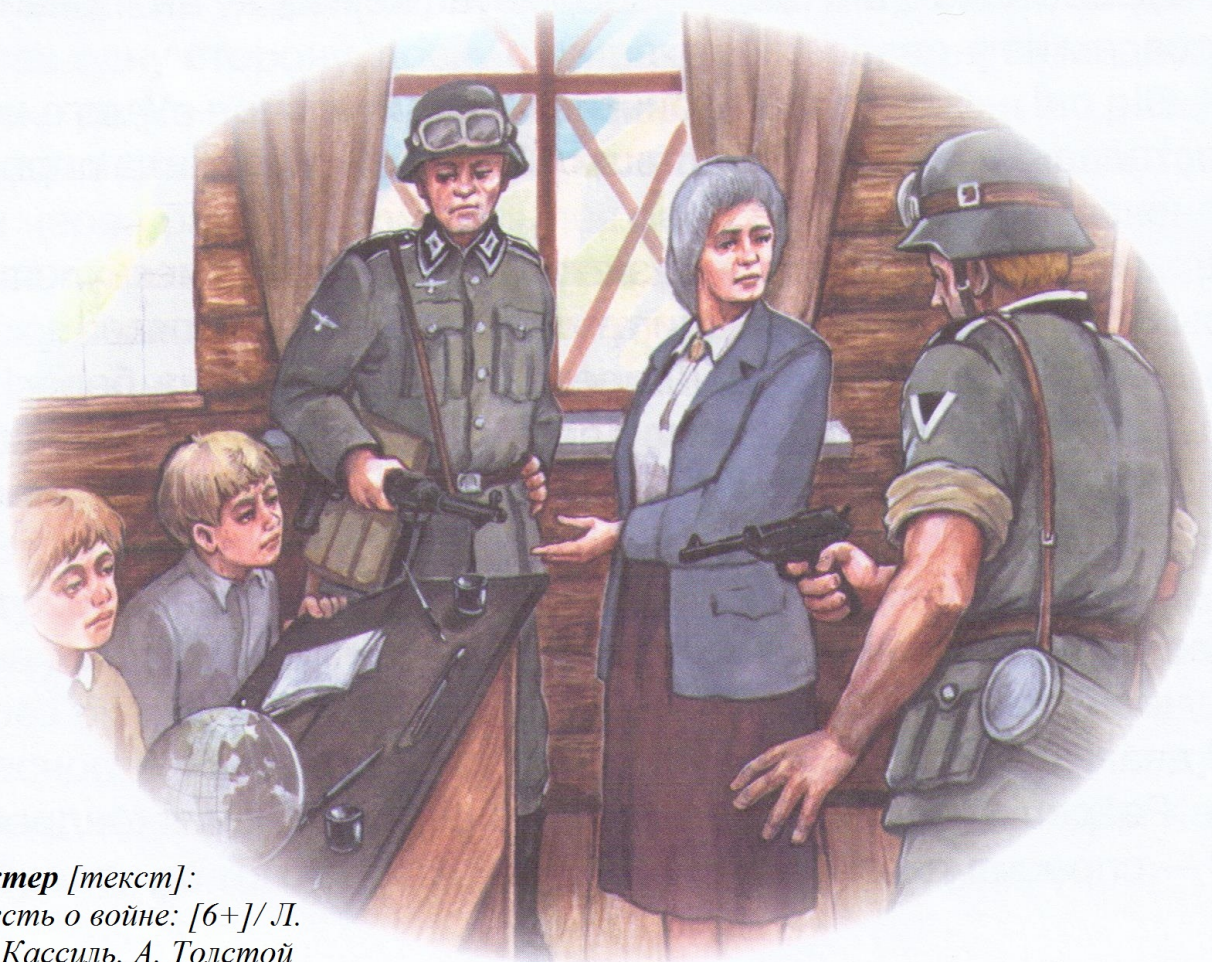
— Сидите, сидите, Широков.

— Нет уж, Ксения Андреевна, занимайте свое законное место, — возразил Широков, придвигая стул, — в этом помещении вы у нас хозяйка. И я тут, вон за той партой, уму-разуму набрался, и дочка моя тут у вас... Извините, Ксения Андреевна, что пришлось этих охальников в класс ваш допустить. Ну, раз уж так вышло, вот вы их сами и порасспрошайте толком. Подсобите нам: вы по-ихнему знаете...

И Ксения Андреевна заняла свое место за столом, у которого она выучила за тридцать два года много хороших людей. А сейчас перед столом Ксении Андреевны, рядом с классной доской, пробитой пулями, мялся длиннорукий рыжеусый верзила, нервно оправляя куртку, мычал что-то и прятал глаза от синего строгого взгляда старой учительницы.

— Стойте как следует, — сказала Ксения Андреевна, — что вы ерзаете? У меня ребята этак не держатся. Вот так... А теперь потрудитесь отвечать на мои вопросы.

И долговязый фашист, оробев, вытянулся перед учительницей.

Русский характер [текст]:

рассказы, повесть о войне: [6+]/ Л.
Пантелеев, Л. Кассиль, А. Толстой
и др.; художник Г. Мацыгин.-
Москва: РОСМЭН, 2015.- 128с.: ил.